

УДК 398.8(=352.3)

ББК 82.3(2=Ады)

Г 97

Гутов А.М.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, e-mail: adam.gut@mail.ru

К типологии младшего эпоса адыгов

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются связи адыгского историко-героического эпоса с действительностью, а также его жанровые модификации. Устанавливается главная особенность поэтики эпоса - прямая соотнесенность повествования с действительностью, что отражается в поэтическом содержании песен и сказаний, специфике прозаического и поэтического текстов, а также в своеобразии художественного стиля. Сделанный анализ позволяет сформулировать мысль, что при очевидных различиях в поэтике, преемственная связь младшего эпоса с архаическим нартским эпосом сохраняется в трансформации отдельных мотивов, что проявляется в их объективизации, приближении к большей достоверности за счет усиления поэтического начала. Ретроспективный и сравнительно-типологический методы, используемые в исследовании, помогают систематизировать фольклорный материал, а также жанры эпоса и сформулировать их национальные особенности, что вносит вклад в изучение специфики фольклорного текста и содействует созданию объективной истории науки о фольклоре.

Ключевые слова:

Этнокультурный ландшафт, младший эпос адыгов, поэтика фольклора, типология фольклорных форм, эпическая правда, нартский эпос, жанровые системы.

Gutov A.M.

Doctor of Philology, Principal Researcher of Institute of Humane Researches, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: adam.gut@mail.ru

On typology of the younger epos of Adyghes

Abstract:

The article poses the problem of determining some typological features of the relationship of the Adyghes historical-heroic epic to reality. A general description of the history of study of the genre is given. The main feature in the poetics of the genre is the direct correlation of the narrative with reality, which is due to the functions of the songs and legends and is supported by the specificity of the connection between prose and poetic texts, as well as artistic style features. With obvious differences in poetics and plot structure, the successive connection with the archaic Nart epic is manifested in the transformation of individual motifs that can be preserved in the system of a new genre, provided their functions change. At the same time, a specific form of objectivization of the motive undergoes evolutionary changes, showing a tendency of approaching greater reliability, while preserving and even

enhancing the aesthetic function. The retrospective, comparative and typological methods used in article help systematize folklore material and genres of the epos and to formulate their national peculiarities. The research contributes to studying specifics of the folklore text and promotes creation of objective history of science about folklore.

Keywords:

Ethnocultural landscape, younger epos of Adyghes, folklore poetics, typology of folklore forms, epic truth, Nart epos, genre systems.

За последние полтора-два столетия систематически проявляемого живого интереса к культуре народов Кавказа появились довольно многочисленные публикации текстов песен и сказаний, среди которых немало таких, которые правомерно отнести к поздней разновидности эпоса, именуемого историко-героическим. В то же время количество исследований в данной области оказывается гораздо меньше, чем трудов, посвященных нартскому эпосу, привлекающему к себе больший интерес. Все же в числе исследований можно отметить не только статьи, но также ряд глубоко содержательных монографий — С.Ш. Аутлевой [1], К.Г. Цхурбаевой [2], Т.А. Хамицаевой [3], А.А. Ахлакова [4; 5], Ш.Х. Хута [6] и других авторов.

В адыгской фольклористике термин «историко-героический эпос» и понятие, вкладываемое в него, установились в середине XX века, хотя задолго до этого, не обозначая его специальным термином, о нем писали еще Султан Хан-Гирей [7; 8: 110-115] и Ш. Б. Ногмов (Ногма) [9; 10] в первой половине XIX в., Л.Г. Лопатинский [11], А.-Г. Кешев [12] и др. — во второй. Первые краткие, а порою и довольно обширные заметки о песнях и преданиях адыгов принадлежат названным авторам. Так, Л.Г. Лопатинский, как известно, в течение многих лет редактировал ставший легендарным «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), вышедший серией в Тифлисе. Он наладил сеть корреспондентов во всех уголках Кавказа, сам много записывал в поездках по горному краю, предварял свои публикации предисловиями или вводными статьями, в боль-

шинстве случаев сопровождал публикации «Заметками», то есть научными комментариями. В них мы находим наблюдения над языком и поэтикой, параллели сравнительно-типологического плана, лаконичные заключения. Всё это можно признавать как подступы к полноценным академическим исследованиям. Специально об адыгских песнях он писал в предисловии к одной из обширных публикаций текстов [11]. По его просьбе В.Ф. Миллер посвятил большую статью кабардинскому сказанию «Красавица Елена и богатырь-женщина» [12].

Первые исследования младшего эпоса, работы М.Е. Талпы [14], А.Т. Шортанова [15], А.И. Алиевой [16], других ученых, датируются первой половиной и серединой XX в. Во второй его половине и начале XXI создан ряд монографических трудов, в которых данному жанру уделяется серьезное внимание. Помимо работ названных авторов, это труды А.А. Ципинова, [17], Р.Б. Унароковой [18; 19], А.М. Гутова [20, 21], Б.Г. Ашхотова [22, 23].

В 30 годы XX в. М.Е. Талпа опубликовал в печати несколько статей, основные положения которых были обобщены в фундаментальном издании «Кабардинский фольклор». Его «Общие замечания» и комментарии к III и IV разделам названного издания [24: 147-152, 329-332, 591-614] продолжают лучшие традиции дореволюционной российской академической науки и представляют одну из первых серьезных попыток рассмотрения историко-героических песен и преданий как полноценных фольклорных жанров.

Возникновение младшего эпоса как самостоятельной разновидности связа-

но как с эволюционными изменениями в фольклоре, так и тектоническими процессами во всем обществе. Пространственно-временные представления и система мировоззрения нартского эпоса с его мифически дальним дискретным временем, абстрагированными от реальности событиями, предельно типизированными героями, не всегда удовлетворяли запросам средневеково-рыцарского времени. Реальные события оказались настолько глобальными, а их художественное освоение столь актуальным, что они заметно потеснили архаический эпос с верхней ступени иерархической лестницы фольклорных жанров. Следствием стали обновление тематики и структурные перемены в поэтике фольклора, поскольку новые факты, мотивы и сюжеты требовали своего ракурса восприятия и новых средств поэтического отражения. Это привело к формированию фактически нового жанра, который, частично наследуя старшему в тематике, стилистике и типологии, все же в корне отличается многими родовыми особенностями.

Основной источник сюжетов младшего эпоса дистанцирован от фантастического времени мифа. В центре внимания оказываются явления, которые можно прямо соотносить с фактами и лицами недавнего прошлого, близкого к настоящему. Правильным стало сочинение песен по горячим следам событий – победы в битве, удачного похода, поражения, подвига конкретной яркой личности, нередко – гибели воина. Известно, что у адыгов было принято хоронить погибших воинов под мемориальную песню, которую сочиняли песнетворцы-джегуако. Как вариант ее создание могли приурочить к тризне, например, к годовщине гибели, когда в память о герое устраивались состязания с призами. Один из таких случаев описан С. Хан-Гиреем в его «Черкесских преданиях» [7: 57-60].

Таким образом, событийная база сюжета часто или имела место в жизни, или же воспринималась как вероятное. Историко-

героический эпос символизирует позитивный сдвиг, который происходит в системе коллективного сознания в пользу ее приближения к реальности с характерным для нее вниманием к канонам рационально-реалистического мировосприятия. Образуется водораздел между двумя типами поэтического творчества: опирающимся на мифопоэтическую шкалу ценностей и черпающим свои мотивы из действительности. Границы между ними порою условны, так как оба они исключают осознанность вымысла, но различительные признаки очевидны так, что налицо разные системы условностей, но не антагонистические. Главное в том, что синкретизм как атрибут архаической системы условностей уходит на второй план и уступает позиции типу отражения, в котором время обретает прямую связь с действительностью. Вследствие этого явление может переосмысливаться в соответствии с канонами жанровой системы условностей.

Первые признаки перемен проявились еще в архаическом эпосе, например такими вкраплениями, как имена нартских персонажей: *Альбек* (отец нарта Тотреша), *Ляшин* (сочинительница смеховых куплетов о нартах), *Татаршао* (герой одного из малых циклов) – явно неархаического пласта адыгской антропонимики, они несут печать позднего, иноязычного, происхождения или содержат признаки вероятных внешних влияний. Очевидно, что они вошли в номенклатуру имен на завершающей стадии формирования жанра, когда они не воспринимались как нечто инородное. Этим обозначилась и межжанровая диффузия в фольклорном континууме. В младшем эпосе оно находит естественное продолжение в именах многих героев. Тем самым, имя утрачивает признаки этнической идентификации сюжета или персонажа. Это особенно примечательно в связи с высокой степенью этнической маркированности эпоса как жанра [25: 66-68 и др.].

Помимо того, многие мотивы древ-

него эпоса успешно осваиваются новым и в результате этнокультурной эволюции инфильтруются в него. Этим в немалой степени обеспечивается эпический континуум, благодаря которому сохраняется преемственность между двумя разновидностями жанра. Однако если учитывать всю совокупность реалий, отражаемых в эпическом повествовании, младший эпос представляет собой в значительной степени иной характер мировосприятия. Он может отличаться и атрибутами предметного мира, и повествовательным стилем, особенно же — тематикой, сюжетикой, мотивировками поступков.

Удельный вес реалий, сопоставимых с действительностью, здесь несравненно выше, нежели в нартских сказаниях. В героическом эпосе любого типа устойчив единый принцип достоверности описываемых событий. Иными словами, повествование даже в нартском эпосе не воспринимается носителями традиции как вымысел, хотя событийная основа сюжетов в нем связана с фантастическими традиционными представлениями. Суть проблемы в том, что она не поддается однозначной дифференциации на правду и вымысел. Однако и вера в них также не может быть признана столь незыблемой, как, например, правдивость событий, описываемых в песнях и сказаниях младшего эпоса. Событийная основа нартских сказаний помещена в столь давнопрошедшем времени, что оказывается как бы за пределами прямолинейной оппозиции *правда-вымысел*, она или находится вне такой дилеммы, или же занимает некое пограничное положение между конкретным содержанием данных понятий и сознательным творчеством. Если идейной основой старшего эпоса являются архаические патриархальные представления, то здесь это мировоззрение феодально-рыцарской эпохи. Поэтому наряду с адаптированными мотивами, характерными для нартского эпоса, в историко-героическом эпосе фигурируют в качестве каузальных основ борьба с чужеземными

завоевателями, конфликты на почве попыток передела территорий или имущества, межфеодальные (рыцарские) конфликты на почве фактического или мнимого ущемления достоинства и пр. Таким образом, между двумя разновидностями эпоса вместе с признаками преемственности налицо очевидные различия. Благодаря этому каждая из них получает значительную свободу для автономной эволюции — в рамках своих родовых признаков.

Мотивы, наследуемые поздним эпосом из раннего, как правило, принципиально переосмысливаются и обретают новое наполнение. Событийная основа, образующая конкретную форму их объективации, зачастую переходит из сферы мифологических кодификаций в сферу явлений, логически соотносимых с историческим временем. Видимо, этим можно объяснить тот факт, что в области сюжетики между двумя разновидностями эпоса относительно редко случаются явные смешения. Иное дело — использование ранее освоенных фольклором мотивов с их новым наполнением. Для подобных случаев характерны не отрицание, а плавные эволюционные процессы. Таковы, например, мотивы чудесного рождения, быстрого роста героя, героической гибели и т. д. В раннем эпосе они представлены в своей изначальной форме, а в новых обстоятельствах и на новом уровне мировосприятия претерпевают серию трансформаций. Рассмотрим популярный мотив чудесного рождения. Нарт Сосруко вышел из камня. Еще в пределах системы условностей нартского эпоса другой герой, Бадинок, рождается не чудесным для богатыря образом (из камня, от выпитой воды, солнечного луча и пр.), а обыкновенно, от отца с матерью. Но и здесь его рождению предшествуют чудесные явления [26: 82, 232]. У другого нарта, Шауея, мать — мифическое существо, а отец «обыкновенный» нарт 26: 156, 310]. На этом фоне Андемиркан, герой ранней стадии историко-героического эпоса, со-

гласно множеству записанных вариантов, родился от земных отца и матери, но по многим версиям не в Кабарде, где происходят основные события в цикле, а, например, на безымянном морском острове [27: 81, 92, 116 и др.], на корабле во время плавания [28: 137] и пр. Согласно другим вариантам сказания, Андемиркан найден наездниками во время похода ([27: 65, 156, 199, 201, 233 и др. Как бы не трансформировался сюжет из фантастического в «фольклорно-реалистический», за героем все же сохраняется тайна рождения. В ряде вариантов налицо тенденция к рационализации мотива: чудесное рождение подменяется версией правдоподобной, но все же непременно выделяющей героя из общей среды — он внебрачный сын князя [27: 42, 74, 88, 90, 94, 100 и др.]. Логическую цепь эволюции завершает следующая версия: в цикле еще об одном герое, князе Лежероко, акцент делается уже не на чем-то чудесном или необычном, даже не на таинственном, напротив, подчеркивается безупречная чистота происхождения [20: 57].

Таким образом, эволюция мотива возвращается к исходному значению — указать на происхождение героя, отличающее его от обычных смертных. С определенностью выстраивается логическая цепочка: чудесное рождение (зарождение

в камне и выход из него, при косвенной причастности женщины) — рождение из спины отца — чудесное знамение, предшествующее появлению на свет — появление на свет «естественным образом», но обязательно с элементами чудесного, необычного — рождение от земных родителей — высокородного отца и женщины из простонародья (это трансформация мотива с сохранением элементов безотцовства как одного из неперенных признаков эпического героя) — безупречная чистота происхождения (князь Лежероко). Каждая ступень коррелирует с функцией — акцентировать внимание на исключительности героя.

Как чудесное рождение, так и безупречно чистое родословие в равной мере призваны функционально свидетельствовать не столько о необычности, сколько об исключительности героя, даже его избранности. В системе фольклорных художественных явлений секулярного плана — это герой, отличающийся богатырской силой, мужеством, благородными манерами, иными яркими воинскими достоинствами. В сфере же клерикальной роль эпического богатыря замещает посланник, мессия, пророк, призванный совершить — и, согласно учению, воистину совершающий — духовные деяния во имя утверждения трансцендентной веры.

Примечания:

1. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVIII-XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 236 с.
2. Цхурбаева К.Г. Об осетинских героических песнях. Орджоникидзе, 1963. 200 с.
3. Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. 260 с.
4. Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968. 172 с.
5. Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 166 с.
6. Хут Ш.Х. Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: Адыгея, 2005. 164 с.
7. Султан Хан-Гирей. Черкесские предания // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 2, № 5. Ссылки по изданию: Султан Хан-Гирей. Избранные произведения / подгот. текста и вступ. ст. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974. 336 с.
8. Султан Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 334 с.
9. <Ш.Б. Ногмов>. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабар-

- динцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1861. 181 с.
10. Ногма Ш.Б. Филологические труды / исслед. и подгот. к печати Г.Ф. Турчанинов. Т. 1. Нальчик: Кабардин. кн. изд-во, 1956. 308 с.
 11. Лопатинский Л.Г. Предисловие, с указателем предметов (мотивов сказок) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. VIII-XVII.
 12. Миллер В.Ф. Красавица Елена и богатырь-женщина // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII. С. 70-77.
 13. Каламбий (А.Г. Кешев). Характер адигских песен // Терские ведомости. 1869. № 13, 14, 18.
 14. Талпа М.Е. Общие замечания <к разделу III> // Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 150-152.
 15. Шортэн А. Хэзыгъэгъуазэ. Адыгэ IуэрыIуатэхэр = Шортанов А. Введение. Адыгский фольклор. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1982. Н. 3-18.
 16. Алиева А.И. Историко-героический эпос адыгов и его стадияльная специфика. Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 139-161.
 17. Ципинов А.А. Мифо-эпические традиции адыгов. Нальчик: Эль-фа, 2004. 198 с.
 18. Унарокова Р.Б. Народная песня в системе традиционной культуры адыгов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 1999.
 19. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов. (эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
 20. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-фа, 2013. 220 с.
 21. Гутов А.М. Адыгский эпос. Мотивы, типы, образная система. Саарбрюкен (Германия): Academic Publishing Gbt&Co. 2013. 416 с.
 22. Ашхотов Б.Г. Традиционная адыгская песня-плач (гъыбзэ). Нальчик: Эль-фа, 2002. 236 с.
 23. Ашхотов Б.Г. Адыгское народное многоголосие. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 372 с.
 24. Кабардинский фольклор / сост., вступ. статья, вводные статьи к разделам, коммент. М.Е. Талпы. М.; Л.: Academia, 1936. 644 с.
 25. Гутов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: КБИГИ, 2018. 264 с.
 26. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Гл. ред. восточ. лит., 1974.
 27. Андемыркъан. Адыгэ лIыхъужь эпос / зыгъэхъэзырар З. КъардэнгъушI = Андемиркан. Адыгский героический эпос / подгот. З. Кардангушев. Налшык: Эльбрус, 2002. 372 с.
 28. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. / сост. и ввод. статья А.И. Алиевой; общ. ред. А.М. Гудова. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.

References:

1. Autleva S.Sh. Adyghe historical and heroic songs of the 18th - 19th centuries. Nalchik: Elbrus, 1973. 236 pp.
2. Tskhurbaeva K.G. On Ossetian heroic songs. Ordzhonikidze, 1963. 200 pp.
3. Khamitsaeva T.A. Historical and song folklore of the Ossetians. Ordzhonikidze, 1973. 260 pp.
4. Akhlakov A.A. Heroic and historical songs of the Avars. Makhachkala, 1968. 172 pp.

5. Akhlaikov A.A. Historical songs of the peoples of Dagestan and the North Caucasus. M.: Nauka, 1981. 166 pp.
6. Khut Sh.H. Historical and heroic epic of the Adyghe. Maikop: Adygheya, 2005. 164 pp.
7. Sultan Khan-Girey. Circassian legends // Russian Bulletin. SPb., 1841. Vol. 2, No. 5. References on the publication: Sultan Khan-Girey. Selected Works / Preparations of the text and introductory article by R.Kh. Khashkhodzheva. Nalchik, 1974. 336 pp.
8. Sultan Khan-Girey. Notes on Cherkessia. Nalchik: Elbrus, 1978. 334 pp.
9. <Nogmov Sh. B. >. The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of Kabardians by Shora-Bekmurzin Nogmov. Tiflis: Printing house of the head office of the governor-general of the Caucasus, 1861. 181 pp.
10. Nogma Sh.B. Philological works / studied and prepared to printing by G.F. Turchaninov. Vol. 1. Nalchik: Kabardian Publishing house, 1956. 308 pp.
11. Lopatinsky L.G. Preface, with an index of objects (motifs of fairy tales) // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1898. Vol. 25. P. VIII-XVII.
12. Miller V.F. The beautiful Elena and the bogatyr-woman // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1891. Vol. XII. P. 70-77.
13. Kalambiy (A.G. Keshev). The nature of Adyghe songs // Terek statements. 1869. No. 13, 14, 18.
14. Talpa M.E. General remarks <to section III> // Kabardian folklore. M.; L., 1936. P. 150-152.
15. Shortanov A. Introduction. Adyghe folklore. Vol. II. Nalshyk: Elbrus, 1982. N. 3-18.
16. Alieva A.I. Historical and heroic epic of the Adyghe and its stage specificity. Typology of the national epic. M.: Nauka, 1975. P. 139-161.
17. Tsipinov A.A. Myth and epic traditions of the Adyghe. Nalchik: El-Fa, 2004. 198 pp.
18. Unarokova R.B. Folk song in the system of traditional culture of the Adyghe: Diss. abstract for the Dr. of Philology degree. Maikop, 1999.
19. Unarokova R.B. Song culture of the Adyghe. (aesthetic and informational aspect). M.: IMLI RAS, 2004. 216 pp.
20. Gutov A.M. Literary and stylistic traditions of the Adyghe epic. Nalchik: El-Fa, 2013. 220 pp.
21. Gutov A.M. Adyghe epic. Motives, types and figurative system. Saarbrücken (Germany): Academic Publishing Gbt & Co. 2013. 416 pp.
22. Ashkhotov B.G. Traditional Adyghe lament song (gybze). Nalchik: El-fa, 2002. 236 pp.
23. Ashkhotov B.G. Adyghe national polyphony. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2009. 372 pp.
24. Kabardian folklore / comp., Introd. article, introductory articles to sections, comments by M.E. Talpa. M.; L.: Academia, 1936. 644 pp.
25. Gutov A.M. Problems of the Adyghe (Circassian) Narts epos. Nalchik: KBIGI, 2018. 264 pp.
26. The Narts. Adyghe heroic epic. M.: Main ed. of Eastern lit., 1974.
27. Andemirkan. Adyghe heroic epos / prep. by Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 2002. 372 pp.
28. Adyghe folklore in the records and publications of the 19th - early 20th centuries / comp. and intr. article by A.I. Alieva; general ed. by A.M. Gutov. Nalchik: Elbrus, 1979. 404 pp.